

Содержание

Благодарности.	5
<i>Елена Омельченко</i>	
Предисловие	6
Раздел 1. Молодежные культурные сцены и межэтническое взаимодействие.	27
<i>Елена Омельченко</i>	
Вместо введения. 25 лет молодежных исследований: глобальные имена — локальные тренды	29
<i>Елена Омельченко, Святослав Поляков</i>	
Концепт культурной сцены как теоретическая перспектива и инструмент анализа городских молодежных сообществ.	92
<i>Гюзель Сабирова</i>	
Молодежные культуры как среда актуализации (меж)этнического.	110
<i>Евгения Лукьянова</i>	
Российская молодежь в пространстве исследований этничности и межнациональных отношений (критический обзор российской региональной научной практики)	139
<i>Искэндэр Ясавеев</i>	
Лейтмотивы властной риторики в отношении российской молодежи.	162
Раздел 2. Солидарности, идентичности и культурные предпочтения российской молодежи.	179
<i>Ольга Елкина</i>	
Векторы солидаризации молодежи: ценностный аспект.	181
<i>Маргарита Кулева, Юлия Субботина</i>	
Культурные предпочтения современной российской молодежи (на примере городов: Санкт-Петербург, Ульяновск, Казань, Махачкала)	198

Раздел 3. От воркаутеров — до витч-хауса:	
этнография культурного разнообразия	227
<i>Евгения Лукьянова, Ольга Елкина</i>	
Волонтерство как пространство молодежного взаимодействия: в поисках и противоречиях развития.	229
<i>Юлия Андреева</i>	
«Девочки» на мейнстримной культурной сцене нестоличного города: между «гетто» и «элитой»	282
<i>Анастасия Саблина</i>	
Музыкальная (электронная) dark-сцена Санкт-Петербурга: карнавализация «темноты»	308
<i>Эльвира Ариф</i>	
Молодые горожане в креативных кластерах: вег-сообщество в Санкт-Петербурге	340
<i>Наталья Гончарова</i>	
Социокультурные контексты поискового движения: анализ случая	362
<i>Алина Майборода</i>	
Быть неформалом в Дагестане: повседневная жизнь аниме-фанатов	380
<i>Святослав Поляков</i>	
Молодежная сцена уличного воркаута, Махачкала	400
<i>Дмитрий Омельченко</i>	
Документальное социологическое кино. Репрезентация поля и исследований	421
Заключение, или Что нового мы открыли на городских молодежных сценах современной России	439
Библиография	449
Приложение	483
Сведения об авторах	499

Благодарности

Все публикации данной книги были подготовлены по материалам, собранным в рамках одного проекта — «Созидательные поля межэтнического взаимодействия и молодежные культурные сцены российских городов». Мы благодарим Российский научный фонд за оказанную финансовую поддержку, позволившую реализовать наши идеи. Исследование было масштабным по задачам, объемам работы, географии. Изначально мы планировали проект таким образом, чтобы собирать все данные самостоятельно. Наш исследовательский коллектив работал по один-два месяца в Санкт-Петербурге, Казани, Махачкале и Ульяновске. Безусловно, мы бы не справились с этой задачей и книга не увидела бы свет без поддержки и помощи самых разных людей — сотрудников министерств образования и комитетов по делам молодежи, руководителей учебных заведений, преподавателей, лидеров молодежных досуговых структур и других специалистов, от которых зависел доступ в молодежные аудитории. Невозможно здесь перечислить всех, но мы благодарны каждому за внимание и доверие к нашей работе, за выделенное время, потраченные усилия и открытые для нас двери.

И конечно, наибольшую признательность мы хотим выразить всем тем, кто согласился участвовать в нашем исследовании. Эта книга про вас. Очень надеемся, что у нас получилось рассказать такие истории, которые помогут взрослым или родителям лучше понять вас. А еще мы верим, что многообразие молодежной культуры — это важно!

Наша искренняя благодарность — всем сотрудникам Центра молодежных исследований НИУ ВШЭ в Санкт-Петербурге (ЦМИ), которые морально и интеллектуально поддерживали авторов в процессе работы, оказывали помощь в преодолении самых сложных ситуаций, а также тем, кто решал разные организационные вопросы, помогал собирать данные, форматировать книгу. Отдельное спасибо Лене Чикадзе за внимательную вычитку текстов и терпеливую работу с авторами.

Елена Омельченко

Предисловие

doi:10.17323/978-5-7598-2128-1_6-28

Эта книга явилась результатом проекта, который осуществлялся коллективом ЦМИ в течение трех лет: с 2015 по 2017 г.¹ Но многие представленные в ней теоретические идеи и практические находки непосредственно связаны с 25-летним опытом исследования молодежных культурных практик постсоветской России. Социологические проекты, посвященные различным аспектам молодежной реальности, первоначально разворачивались в рамках исследовательских направлений деятельности Научно-исследовательского центра «Регион»². За первые 15 лет нашей работы было реализовано более 20 ярких и запомнившихся проектов. Сошлюсь лишь на некоторые из них, ставшие знаковыми для формирования особого подхода к пониманию молодежного вопроса в постсоветской России. Если кратко, суть и новизна подхода заключались в продвижении депроблематизирующего взгляда на молодежь, утверждении молодежной субъектности и особом внимании не к дискурсивным производствам молодежи как некоего целого, гомогенного и массового объекта управления и контроля, а к внимательному исследованию молодежной разности сквозь призму повседневных задач и вопросов, решаемых самими юношами и девушками в периоды взросления и обретения статуса «взрослого». Среди тем, над которыми работа-

¹ Проект «Созидательные поля межэтнического взаимодействия и молодежные культурные сцены российских городов» (проект финансировался Российским научным фондом, № 15-18-00078).

² НИЦ «Регион» как государственное учреждение УлГУ был основан в 1995 г. при поддержке администрации университета и — с самого начала своей истории — при поддержке наших коллег из Центра русских и восточно-европейских исследований (CREES, The Birmingham University), прежде всего Хилари Пилкинтон, профессора социологии (Manchester University), а в тот период — исследователя и, позже, директора этого центра.

ли исследователи, были, например, такие: восприятие образов Запада российской молодежью [Пилкингтон, Омельченко и др., 2004]; особенности возрождения ислама в Дагестане и Татарстане, место и роль молодежи в этих глобальных процессах [Islam in Post-Soviet Russia, 2003]; обытовление и нормализация наркопрактик в молодежной среде [Омельченко, 2005]; субкультуры и жизненные стили российской молодежи в контексте региональных различий [Pilkington, Omel'chenko, Garifzianova, 2010]; интерпретации патриотизма, патриотических настроений и процессы детерриторизации [Омельченко, Пилкингтон, 2012]; гендерные и сексуальные режимы молодежных культурных сцен и сообществ [Pro тело..., 2013]; историческая память в семейных историях и поколенческом измерении; доступность высшего образования и многие другие. Разработка новых теоретических подходов и эмпирические результаты проектов стали основой книг и статей, опубликованных как самими сотрудниками центра, так и в соавторстве с британскими коллегами³. Развитие направления молодежных исследований с 2009 г. продолжилось уже в рамках Центра молодежных исследований НИУ ВШЭ в Санкт-Петербурге. За это время коллекция наших общих исследований пополнилась более чем 50 реализованными проектами, проведенными как в рамках международных консорциумов, так и в рамках развития фундаментальных направлений, поддержанных Научным фондом НИУ ВШЭ⁴.

Проект «Созидательные поля межэтнического взаимодействия и молодежные культурные сцены российских городов» занимает в этом ряду особое место, и вот почему. Мне кажется, нам удалось реализовать рискованную и достаточно амбициозную идею — посмотреть, как в реальном пространстве молодежной повседневности (бытовой и культурной) совмещаются разные измерения групповых идентичностей: субкультурные, сценовые, стилевые, с одной стороны, этнические и религиозные — с другой. Особой приметой последних десятилетий становится внимание исследователей к этнической и религиозной стороне разных типов социальных, культурных дви-

³ Многие из этих работ будут представлены в данной книге.

⁴ Сайт ЦМИ. URL: <https://spb.hse.ru/soc/youth/>.

жений и сообществ, что напрямую связано с усиливающимися миграционными потоками и новыми формами мобилизаций населения разных стран в направлении как поддержки, так и противостояния этим изменениям. Очевидно, что это находит свое выражение и в молодежной среде, когда в самых разных молодежных культурных сообществах, как субкультурных, так и мейнстримных, в той или иной степени происходит актуализация этнических и религиозных тем, формируются определенные взгляды и типы реагирования на возникающие вопросы. Именно поэтому ключевой исследовательский вопрос проекта был сфокусирован на анализе личных и групповых интерпретаций межэтнических встреч, столкновений, кооперации или противоречий внутри различных молодежных культурных сцен, локализованных в этнически и религиозно разных городских контекстах — Санкт-Петербурге, Казани, Ульяновске, Махачкале, а также реагирования на эти процессы. Актуальность задачи определялась не только недостаточным теоретическим и методологическим вниманием исследователей молодежи к такой комбинации задач, но и реальными изменениями в молодежной среде, особенно в России. С одной стороны, российская молодежь, по сравнению с западными сверстниками, в меньшей степени включена в международную мобильность, с другой — она плотно вовлечена в глобальные молодежные тренды, при этом этнически разнообразная комбинация молодежных групп (школьные классы, университетские аудитории, дворовые и культурные компании) является для нее привычной средой взросления, в том числе и в контексте семейной истории. Последние исследования поколенческих различий показывают существенные изменения в характере восприятия своего окружения у новых молодых когорт, это сказывается преимущественно на большей толерантности в принятии культурных и этнических, физических и ментальных различий, снижении уровня ксено- и гомофобии. При этом, конечно, на формирование особых молодежных солидарностей или культурных молодежных сцен не в меньшей степени (а в конкретной российской ситуации — в значительной степени) влияют государственные дискурсы в отношении молодежи, локальные условия взросления, гендерные, религиозные и этнические режимы нормативности и, конечно, уровень и качество жизни в целом.

Прежде чем перейти к описанию основного содержания книги, остановимся на ключевых вопросах методологии исследования и характеристиках эмпирической базы всего собранного в ходе проекта материала.

Методологические основания проекта

Объектом исследования была молодежь в возрасте 18–22 лет. При сборе данных качественными методами мы позволяли себе включать в исследования — там, где это было целесообразно, — молодых людей старше 22 лет. Но в целом мы ориентировались на студенческую молодежь. Это тот возраст, когда молодежное культурное экспериментирование еще актуально, при этом уже есть достаточный опыт поиска себя, по поводу которого можно порефлексировать. В своем исследовании мы наблюдали за молодежными идентичностями, практиками и сообществами, которые укладываются в понятие «нормальная молодежь». Задача сосредоточиться исключительно на субкультурной молодежи не ставилась — в соответствии с логикой постсубкультурного подхода и концепции молодежных культурных сцен, в контекстах которых молодежные культурные стили легко заимствуются большинством и их производство не ограничивается субкультурными сообществами.

Методология проекта строилась на принципах мультилокальной этнографии и стратегии смешивания методов (*mixed method research*) [Савинская и др., 2016]. Мультилокальный подход предполагает сбор данных в разных географических точках и особенно популярен в миграционных исследованиях. Но не менее эффективно его использование для изучения транслокальных, глобальных феноменов, каковыми являются молодежные культуры. География нашего проекта включала столицы и областные центры четырех регионов России: Казань, Махачкалу, Санкт-Петербург и Ульяновск. Почему были выбраны именно эти города?

Махачкала и Казань репрезентируют два мусульманских региона с разной историей межэтнических контактов. Выбор двух названных городов обусловлен также тем, что коллектив заявляемого проекта в 1998 г. реализовывал в Татарстане и Дагестане масштабный социологический проект, предметом которого было изучение динами-

ки актуализации этничности и религиозных вопросов [Pilkington, Emelyanova, 2003]. Санкт-Петербург — это столичный город, где максимально репрезентированы молодежные культурные сцены (МКС), которые тесно взаимосвязаны и влияют на периферийные регионы. Кроме того, это многонациональный город с достаточно большой численностью трудовых мигрантов, причем здесь можно найти примеры как позитивного сосуществования, так и конфликтного. Ульяновск — поволжский многонациональный провинциальный город и областной центр региона, который соседствует с Татарстаном и традиционно считается спокойным, но в котором представлены разнообразные молодежные течения. Изучение МКС этих городов позволит оценить общее и различное в молодежной повседневности разных регионов России, при этом можно будет сопоставить разные мусульманские регионы, а также периферию и центр.

Для сбора данных были использованы следующие методы: экспертный опрос, метод фокус-групп, метод глубинных интервью, анкетный опрос и метод кейсового исследования (case study). Стратегия смешивания методов здесь применялась для решения двух задач. Во-первых, это сбор разносторонней и разноплановой информации, а во-вторых, более информированная и обоснованная разработка инструментария [Morgan, 2007].

Экспертный опрос был необходим для изучения региональных особенностей молодежной культурной политики, а также для того, чтобы выделить самые яркие и успешные региональные молодежные проекты и точки межэтнического и межрелигиозного напряжения. Основная задача экспертных интервью заключалась в анализе мнения представителей властных структур, этнических и религиозных общин об эффективности реализуемых программ в области межкультурного контакта и диалога, в соответствии с этим и был построен гайд интервью. Кроме того, встречи с экспертами позволили нам воспроизвести общую картину, а также изучить экспертный дискурс в отношении молодежи; они оказались важными для установления контактов и ознакомления с проектом и использовались для последующего распространения его результатов. В каждом городе по итогам исследования организовывались презентации для заинтересованных аудиторий.

Фокус-группы с отдельными социально-культурными категориями молодежи были призваны помочь в поисках ответов на следующие вопросы: какие молодежные сцены и культурные практики популярны в данный момент среди молодого поколения; насколько эти пространства социально гомо- или гетерогенны; какие конфликты и какой позитивный опыт отличает эти пространства; каковы практики невключения молодежи разных национальностей или религиозной принадлежности в эти пространства.

Глубинные интервью с молодыми людьми, представителями разных национальностей, проводились для того, чтобы проследить траектории и форматы включения в молодежные пространства и исключения из них, а также изучить индивидуальный опыт переживания ксенофобии или расизма в биографическом контексте.

Глубинные интервью с активистами молодежных культурных сообществ позволили картографировать городские пространства молодежной культурной активности и выявить биографические (семейные) контексты молодых людей; реконструировать логики построения дружеских сетей, солидарных и культурных оснований дружеской компании информанта; векторы выделения «своего» и «чужого»; позитивный и негативный опыт межэтнического и межрелигиозного общения в разных семейных, молодежных, публичных контекстах.

Анкетный опрос среди студентов вузов и средних специальных учебных заведений имел очень конкретные задачи: выявление популярных молодежных культурных сцен, степени включенности опрашиваемых в молодежные культурные активности; описание популярных молодежных трендов и категоризацию молодежи по ценностным основаниям солидарностей; изучение критерия выделения «своих» и «чужих», уровня ксенофобии, характера молодежного культурного потребления. Были сформулированы следующие гипотезы анкетного опроса: 1) этническая нетерпимость/принятие проявляется более жестко при выражении своего отношения к публичным дискурсам и менее жестко в контексте тесного дружеского общения; 2) молодежь, обладающая более высоким культурным капиталом, в том числе и субкультурным, более открыта к диалогу с культурным «другим»; 3) молодежь, включенная в дворовые культуры, настроена более ксе-

нофобно, особенно сильно эти настроения выражены среди юношей; 4) молодежь, вовлеченная в спортивные активности, имеет различные установки в отношении «этнического другого» в зависимости от социально-классовой принадлежности; 5) чем больше вариантов включения в разные молодежные компании, сообщества, т.е. чем больше «кругов» принадлежностей, тем выше шансы «неисключающего» восприятия «другого». И наоборот, если молодой человек входит в более замкнутые компании, эти шансы ниже; 6) существуют региональные различия солидарных профилей: молодежь Казани и Махачкалы имеет более патриархатные установки, а молодежь Ульяновска и Санкт-Петербурга — более националистические.

В исследовании использовалась многоступенчатая система построения выборки. На первом этапе реализовывался пропорциональный отбор численности учащихся в учреждениях высшего и среднего профессионального образования на основе данных статистики Роскомстата за 2014 г. На втором — использовался метод систематического отбора внутри каждой группы. Для этого были взяты официальные перечни специальностей и направлений подготовки высшего образования, а также профессий и специальностей среднего профессионального образования. Внутри каждого перечня со случайным шагом выбирались укрупненные группы специальностей и направлений, внутри которых таким же систематическим образом с заданным шагом выбирались конкретные специальности/направления. Далее для каждого из них составлялся список вузов, ведущих подготовку в регионе. Если по одной специальности таких вузов было сразу несколько, случайным образом выбирался один, в котором и проводился опрос. По каждой специальности опрашивались студенты одной-двух групп. При этом использовался принцип чередования курсов. В результате в выборку вошли направления как гуманитарной, так и технической подготовки, охватывающие достаточно широкий спектр направлений по перечню Минобрнауки России. Опрос проводился в сентябре — ноябре 2015 г. в Санкт-Петербурге и Ульяновске, в апреле — мае 2016 г. в Махачкале и Казани. В каждом городе согласно выборке было опрошено по 800 человек: 600 студентов вуза и 200 учащихся учреждений среднего профессионального образования.

Кейсовые исследования были центральными и имели своей целью изучение повседневности молодежных культурных сцен; практик и контекстов присутствия и обнаружения «этнического» и «религиозного».

Кейсовое исследование предполагало глубинное погружение исследователя в молодежные активности, в задачи которого входило проведение глубинных интервью с участниками сцены (не менее чем с 20), а также проведение наблюдений (не менее 15) на мероприятиях, тренировках, пространствах активностей на протяжении как минимум одного месяца. Все это время исследователь должен был вести дневник наблюдений, где фиксировались результаты наблюдения и ход работы.

В каждом из городов мы изначально планировали реализовать по два кейса. Общая логика выбора тех или иных молодежных культурных сцен основывалась на трех моментах. Во-первых, каждый кейс должен был отражать и репрезентировать локальную специфику города, в котором он проводился. Мы поставили задачу выбрать молодежную сцену, которая в должной мере смогла бы репрезентировать аутентичность города и опыта проживания в нем. Во-вторых, мы попытались воспроизвести континуум молодежных культурных практик — музыкальных, субкультурных, гражданских, спортивных и т.д. В-третьих, это должны были быть пространства, которые можно классифицировать как зоны этнического или религиозного контакта.

И соответственно в каждом городе были отобраны те кейсы, которые или наиболее характерны для него, или представляют собой значимый для его молодежи феномен. Таким образом, в Санкт-Петербурге объектами исследования стали веганы и музыкальная индустриал-сцена; в Казани — поисковики и рэперы; в Ульяновске — женские гламурные сети и волонтеры; в Махачкале — воркаут и аниме-сообщество.

Веганство является зонтичной категорией, здесь можно встретить молодых людей с разными установками к питанию, но важно, что этот тренд достаточно ярко представлен в Санкт-Петербурге и в той или иной мере репрезентует хипстерский стиль, который сегодня популярен среди студенческой молодежи. Индустриал-сцену

можно охарактеризовать как пострейв, постпанк, постготтику. Это направление, выросшее из субкультурных стилей, сегодня представляет собой популярное андеграундное пространство. Санкт-Петербург является центром молодежных альтернативных субкультур, поэтому важно было включить в выборку подобное сообщество. Выбор рэп-сцены был обусловлен тем, что хип-хоп лидирует в рейтингах популярных музыкальных стилей среди молодежи, рэп-баттлы собирают большие аудитории. Но особенно интересно было посмотреть на рэп-сцену в Казани, где она имеет определенную этническую национальную окраску. Поисковая сцена — это среда тесных межличностных отношений, дружбы молодых людей, объединенных патриотической идеей. Волонтеры были включены в исследование как пример проекта, инициируемого властными структурами и изначально нацеленного на создание пространства межкультурного контакта. Провинциальная женская гламурная сцена, наоборот — неформальная, низовая, не связанная с особенными практиками культурного производства или социальной активности, но крайне популярная. Уличный воркаут интересен как пример молодежного спортивного сообщества, которое сильно интегрировано в городские пространства и для которого наличие «своего места» играет большую роль. И аниме-сцена в Махачкале была выбрана в качестве объекта исследования в силу своей бросающейся в глаза альтернативности к культуре большинства в этом городе.

В рамках проекта было также снято три социологических фильма: «Молодежь Махачкалы. Калейдоскоп», «Казань. Хип-хоп сцена», «Любань». Фильмы стали дополнительным визуальным материалом проекта. Для съемок были выбраны разнообразные МКС: воркаут, БПАН, аниме, хип-хоп, поисковое движение.

Таким образом, была разработана комплексная методика исследования. Конечно, ее можно дорабатывать и совершенствовать, пилотировать в других региональных условиях и на других молодежных площадках. Особое внимание при разработке методики мы уделяли двум моментам. Первый связан с таким вопросом, как фиксация этнического компонента взаимодействий, практик, идентичностей. Проблема в том, что зачастую этническое присутствует имманентно, оно может быть невидимым и неартикулируемым. Второй аспект свя-

зан с тем, что этническая тематика плохо артикулируется молодежью в принципе. Исходя из этих соображений-опасений коллектив проекта уже в ходе работы над ним принял решение несколько трансформировать дизайн качественной части, а именно сократить количество фокус-групп и увеличить число интервью. Вместо четырех фокус-групп с тематическими категориями молодежи и 30 интервью с молодежью было решено провести в Казани и Махачкале по 45 интервью с молодыми людьми, представляющими разные культурные сцены. В целом методология в четырех городах практически не отличалась, за исключением отдельных вопросов и тем, которые были специфичны для отдельных городов, особенно Махачкалы и Казани.

Работа во всех городах осуществлялась поэтапно. Идеальным планом была бы такая последовательность работ: 1) сначала проведение экспертных интервью, отдельных интервью и фокус-групп с целью разведки, формулировки гипотез; 2) затем проведение остальных фокус-групп и интервью; 3) разработка анкеты и окончательная формулировка гипотез с опорой на материал предыдущих этапов; 4) и уже исходя из результатов собранных данных и их анализа, выбор конкретных МКС для кейсовых исследований. Однако, принимая во внимание имевшиеся у нас временные и кадровые ресурсы, пришлось объединить некоторые этапы. Первоначально в каждом регионе проводилось разведывательное исследование, которое включало экспертные интервью и отдельные интервью с молодежными активистами, а иногда и единичные фокус-группы. После анализа этих данных разрабатывался остальной инструментарий. Проведение кейсов по мере возможности отодвигалось на более позднее время, чтобы успеть хотя бы первично обработать уже собранные данные. Полевая работа велась с 2015 по 2017 г.

В общей сложности в рамках проекта был собран следующий эмпирический материал:

— на пилотажном этапе исследования проведено 15 интервью с молодежью разных национальностей в Санкт-Петербурге и Ульяновске; 3 фокус-группы (с экстремалами, дворовой/спортивной молодежью, барной и клубной молодежью) в Санкт-Петербурге;

— 20 экспертных интервью во всех четырех городах (2015–2016 гг.). В экспертном опросе приняли участие представители эт-

нических общин, мусульманского духовенства, комитетов по делам молодежи, руководители культурных проектов в администрации городов, сотрудники Российского Союза Молодежи, руководитель мусульманского фонда, руководитель молодежного театра, директор одной из спортивных школ и другие;

— 8 фокус-групп с молодежью в Санкт-Петербурге и Ульяновске (2015 г.). В Санкт-Петербурге в фокус-группах приняли участие следующие категории респондентов: 1) молодежь, которая идентифицирует себя как русских, но имеет опыт проживания в общежитии с иноэтничными соседями, приехавшими из разных регионов России; 2) иноэтничная молодежь, занимающаяся спортом или танцами; 3) иноэтничная молодежь — активисты гражданского сектора с разным опытом социальной активности (волонтеры в сфере, не касающейся этничности; волонтеры и активисты в организации, деятельность которой связана с созданием поликультурного поля взаимодействия; стартаперы); 4) *хипстеры* — обеспеченная городская молодежь, которая интересуется элитарной зарубежной культурой и искусством, модой, альтернативной музыкой. В Ульяновске были проведены фокус-группы: 1) с молодыми активистами, представляющими разные активистские сцены (движение «Боевая классика», футбольные фанаты, автоспорт, студенческий актив, КВН, частное агентство по организации праздников, современные танцы); 2) молодежью, которая идентифицирует себя как русских и проживает в общежитии вместе с иноэтничными студентами; 3) иноэтничной молодежью — *спортсменами, занимающимися различным видами спорта*; 4) *религиозными женщинами, исповедующими ислам*; 5) религиозными мужчинами, исповедующими ислам;

— 154 глубинных интервью с молодежью, из них 60 — в Санкт-Петербурге и Ульяновске с молодежью разных национальностей (2015 г.), 49 — в Махачкале с молодыми людьми, включенными в разные молодежные культурные сцены, и 45 — в Казани. В Махачкале в ходе исследования были проинтервьюированы представители следующих сообществ-сцен: спортивных объединений молодежи; тусовок *продвинутой* молодежи в антикафе; игровых сообществ; женских клубов; творческих мастерских; танцевальных клубов; автолюбителей; групп молодежного гражданского и студенческого активизма.

Каждое сообщество представляли в выборке два-три информанта. В Казани было проинтервьюировано 45 представителей молодежи, репрезентирующих различные молодежные культурные сцены. Для проведения глубинных интервью в столице Татарстана было решено рекрутировать представителей следующих молодежных сцен: «Лиги студентов» (социальные и политические активисты); сцены КВН; сцены интеллектуальных игр («Брейн-клуб»); воркаут-движения; фан-движения; сцены исторической реконструкции и крафт-практик; поискового молодежного движения; сцены БПАН и музыкальной молодежной сцены. Рекрутинг информантов производился несколькими путями: среди участников анкетного опроса; через социальные сети; через преподавателей учебных заведений, а также активистов этнических и религиозных сообществ. В среднем интервью длились по 1,5 часа, интервью были транскрибированы и анонимизированы;

— анкетирование в сузах и вузах четырех городов; всего собрано 3200 анкет (по 800 анкет в каждом городе) (2015–2016 гг.). Учебные заведения отбирались по разработанной выборке. Анкетирование проводилось в учебных группах без присутствия преподавателей или управленческого персонала учебного заведения. Средняя продолжительность заполнения анкет — от одного часа. Процесс организации анкетного опроса был сопряжен с определенными сложностями, особенно в Санкт-Петербурге, где учебные заведения достаточно часто принимают участие в социологических опросах. Но посредством сопроводительных писем и личных встреч эти проблемы были решены. В Ульяновске особых проблем не возникло. Опрос в каждой студенческой группе проводился двумя анкетерами, которые перед началом работы были тщательно проинструктированы. Заполненные анкеты проверялись на качество заполнения (наличие пропущенных вопросов, игнорирование инструкций по заполнению анкеты, неправильное количество выборов в альтернативных вопросах и т.п.), в итоге было отбраковано 5% собранных анкет. Полученные данные анкет были перенесены в электронные таблицы программы SPSS;

— 8 кейсовых исследований молодежных культурных сцен: аниме-сцены и уличного воркаута в Махачкале, веган-сцены и музыкальной dark-сцены в Санкт-Петербурге, гламурной девичьей ту-

совки «нормальные девочки» и волонтерской сцены в Ульяновске, поисковиков и рэп-сцены в Казани. Сбор данных осуществлялся весной-летом 2017 г. В итоге материалы кейсовых исследований составили восемь исследовательских дневников, в которых отражены результаты 135 включенных и невключенных наблюдений, а также 181 глубинное интервью с молодыми людьми.

Сбор данных осуществлялся коллективом Центра молодежных исследований (НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург), т.е. во все четыре города были организованы экспедиции. Кейсовые исследования проводились, как правило, одним лицом. Все собранные данные были анонимизированы. Это важное условие коллективного проекта. Анализ количественных данных проходил с помощью статистического пакета SPSS, для анализа качественных данных использовалась программа NVivo.

Завершая описание методологии проекта, еще раз отмечу, что его важным моментом стал особый набор используемых методов и техник. В каждом из выбранных городов мы начинали с количественного опроса в учебных заведениях (ссузах и университетах), затем переходили к интервьюированию молодежи, вовлеченной в разные формы культурной и гражданской активности, характерные для той или иной локации. Затем, анализируя полученный материал, выбирали в каждом городе два наиболее ярких и адекватных культурной атмосфере кейса — две культурные молодежные сцены, которые становились полем этнографического исследования — включенного наблюдения и глубинных биографических интервью. Ряд кейсов (в частности, в Махачкале и Казани) легли в основу исследовательских фильмов, которые стали завершением полного цикла анализа и репрезентации молодежных культурных и активистских практик разных российских городов.

Первый раздел книги — **«Молодежные культурные сцены и межэтническое взаимодействие»** — посвящен теоретико-методологическим разработкам ключевых понятий и концепций проекта и соответствующего анализа.

Вводная статья *«Вместо введения. 25 лет молодежных исследований: глобальные имена — локальные тренды»* (автор — Елена Омель-

ченко) посвящена идее проекта и ключевым направлениям исследований молодежного пространства России в постсоветский период. В тексте рассматриваются наиболее яркие события этого времени сквозь призму разнообразия молодежных форм солидаризации и групповых идентичностей, изучению которых были посвящены проекты, реализованные НИЦ «Регион» и ЦМИ НИУ ВШЭ, проводится анализ старых и новых форм концептуализации молодежной социальности, предлагаются авторские интерпретации направлений и эффектов социальных и культурных трансформаций молодежного пространства России в новом тысячелетии.

Вопросам конструирования понятия «молодежная культурная сцена» посвящена следующая статья *«Концепт культурной сцены как теоретическая перспектива и инструмент анализа городских молодежных сообществ»*. Авторы — Елена Омельченко и Святослав Поляков, — отталкиваясь от дискуссии вокруг субкультурного подхода, его критики, осмысления истории теоретизации в молодежных исследованиях, обосновывают эвристическую ценность сценического подхода. В статье приводится пример его использования для изучения уличного воркаута в Махачкале через анализ сетевой структуры, стиля и идентичности, места, театральности, аутентичности, легитимности и экономики молодежного сообщества. Преимущество сценического подхода заключается в том, что отдельное внимание здесь уделяется не только материальности места и перформативности, но и той особой контекстуальной чувствительности, которая объединяет участников сцены, а также внутрисценическим DIY-практикам.

Методологические вопросы изучения межэтнических контактов на молодежных культурных сценах рассматриваются в статье Гюзель Сабировой *«Молодежные культуры как среда актуализации (меж)этнического»*. Автор анализирует актуальную академическую дискуссию вокруг целого ряда понятий и категорий, используемых как отечественными, так и западными исследователями для объяснения новой реальности взаимодействия и проникновений этнического, религиозного, (суб)культурного, гендерного начал. Г. Сабирова обращает внимание на сложность исследовательского поля, возникающего на пересечении двух тематических плоскостей — молодежных культур и межэтнического восприятия (коммуникации),

которое оказывается многогранным и многоуровневым, охватывающим широкий спектр объектов и концепций. Молодежное культурное пространство, по мнению автора, является как средой, где обнаруживаются/сталкиваются/обсуждаются социальные различия (включая этнические), так и пространством, в котором этническое может быть капиталом, ресурсом, которое активно «воображается» и производится, становится «сырым» материалом для самовыражения или мотором для возникновения нового социального движения. В атмосфере политизации, эссенциализации и инструментализации этнического и религиозного, в условиях кризиса макро- и мезотеретизирования, социальных технологий управления многообразием актуализируется вопрос: «А каким должно быть социально желаемое, какой должна быть норма гармоничных межэтнических и межрелигиозных отношений, в частности среди молодежи? Как в современных дифференцированных конфликтных обществах мы можем исследовать созидательные и позитивные пространства и практики и говорить о них?». Завершая анализ, автор пишет о том, что повседневные формы коммуникации различий, формирования дружеских, приятельских отношений, конвивиальных культур в пространствах молодежных культурных сцен вполне могут быть объектом исследования в рамках изучения созидательных полей межэтнического взаимодействия.

Работа Евгении Лукьяновой *«Российская молодежь в пространстве исследований этничности и межнациональных отношений (критический обзор российской региональной научной практики)»* посвящена критическому анализу различных подходов к пониманию межкультурного взаимодействия и, в отличие от предыдущей статьи, основана преимущественно на российском материале. Проанализировав значительное количество работ из разных дисциплинарных традиций, автор приходит к выводу, что непосредственно молодежным контекстам и молодежной повседневности в них, как правило, уделяется недостаточное внимание. В основном исследователи концентрируются на вопросах эффективности традиционных институтов социализации (семья, образование, религия) в трансмиссии духовных традиций и культурных образцов. Изучаются аффективные и когнитивные составляющие этничности, которые

фиксируются тестами и анкетами. А повседневные практики, как правило, ограничиваются исследованиями языковой компетентности. Автор рекомендует включить в изучение этничности особые, характерные для молодежных исследований темы (например, потребительские практики молодежи), а также обратиться к субъективным молодежным смыслам производства или нивелирования этнических границ.

В статье Искэндэра Ясавеева *«Лейтмотивы властной риторики в отношении российской молодежи»* представлен анализ докладов и программ, в которых затрагивается молодежная проблематика. Автор опирается на конструкционистский подход к изучению публичных риторик и приходит к следующему выводу. Властная риторика в своем программном обращении к молодежи делает акцент на «традиционных ценностях», способствующих не изменениям, а конформизму и «стабильности», и, кроме того, на патриотизме, понимаемом как готовность защищать государство военными средствами от внешних и внутренних врагов (с. 177).

Второй раздел книги — **«Солидарности, идентичности и культурные предпочтения российской молодежи»** — преимущественно посвящен анализу количественной части проекта — опроса учащейся молодежи в четырех российских городах.

Статья Ольги Елкиной *«Векторы солидаризации молодежи: ценностный аспект»* сфокусирована на анализе одной из самых значимых частей опроса, посвященной ценностным профилям молодежных компаний. Для описания разнообразия молодежного культурного экспериментирования в рамках исследования использовался количественный инструментарий, который, с одной стороны, позволяет проанализировать распространенность тех или иных солидарных общностей, а с другой — подразумевает известного рода ограничения в рассмотрении возможной вариативности. Пожалуй, самым интересным выводом работы оказывается то, что у сравниваемых сообществ (аниме и футбольные фанаты) получились во многом разные значимые ряды векторов, однако в обоих случаях значимым для ценностного ядра осталась религия. В исследованиях, описывающих многообразие молодежного культурного пространства, часто не учитывается многообразие молодежных сообществ в исламоориентиро-

ванных регионах, что, по мнению автора, упрощает существующую картину городских молодежных пространств в современной России.

Статья Маргариты Кулевой и Юлии Субботиной «*Культурные предпочтения современной российской молодежи (на примере городов: Санкт-Петербург, Ульяновск, Казань, Махачкала)*» посвящена анализу особенностей культурного потребления молодежи четырех российских городов. Авторы стремятся ответить на вопрос о потреблении субкультурно включенной молодежи, объединив таким образом две парадигмы — исследования культурного потребления и (пост) субкультурный подход. В частности, данное исследование сфокусировано на двух вопросах: особенностях культурного потребления молодежи как особой социальной группы; связи включения в (пост) субкультурные группы и потребления «высокой культуры».

Третий раздел книги — «**От воркаутеров до витч-хауса: этнография культурного разнообразия**» — состоит из статей, авторы которых проводили кейсовые исследования в рамках полевых экспедиций в разных городах, используя методы включенного наблюдения, интервью, съемок исследовательских фильмов.

Вопросам особенностей волонтерской среды и взаимодействию формального и неформального включения в добровольчество посвящена статья Евгении Лукьяновой и Ольги Елкиной «*Волонтерство как пространство молодежного взаимодействия: в поисках и противоречиях развития*». Авторы представляют анализ своего кейсового исследования студенческих волонтерских организаций одного ульяновского вуза. Волонтерство является средой адаптации первокурсников, включения в студенческие сети, а также обретения символического капитала.

Статья Юлии Андреевой «*«Девочки» на мейнстримной культурной сцене нестоличного города: между “гетто” и “элитой”*» написана по материалам этнографического исследования (включенного онлайн- и офлайн-наблюдения и интервью), сфокусированного на анализе новой девичьей Instagram-культуры. Особенность этого кейса состоит в том, что внимание здесь обращено к так называемой *обычной* молодежи, из числа тех, кто реализует «нормальную» стилевую стратегию. Это «молодежное большинство», молодежный мейнстрим, являющийся основным молодежным течением, где про-

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru